

МАТЕРИАЛЫ XVI МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«СЛАВЯНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»
(ГРЦРФ, 24—26 мая 2011 г.)

24—26 мая 2011 г. в Государственном республиканском центре русского фольклора прошла XVI Международная научная конференция «Славянская традиционная культура и современный мир». В ней приняли участие ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Ульяновска, Нижнего Новгорода, Твери, Пензы, Ростова-на-Дону, Новосибирска, Перми, Вологды, Воронежа, а также Казахстана и Абхазии. Помимо докладов известных ученых на конференции выступали молодые исследователи — студенты Пермского государственного университета, чьи сообщения были посвящены традиционной культуре Чердынского р-на Пермского края.

В этом году главной темой конференции стали стратегии и практики полевых исследований. Приветствуя участников конференции, генеральный директор центра А. С. Каргин отметил, что на фоне возросшего интереса к этнокультурным процессам отмечается сильное отставание исследовательских практик по целому ряду аспектов полевой деятельности. Основной задачей конференции, таким образом, становится разработка новых форм и методов полевых исследований. В настоящее время исследовательским полем стали не только деревенская и городская культура, но и Интернет-пространство. Такое разнообразие предмета исследования требует и выработки новых методик полевой работы, применения различных форм фиксации аутентичного материала. Особого внимания требует проблема моделирования естественного контекста бытования фольклора и формы участия исполнителей в опросе. Как отметил докладчик, в настоящее время возрастает интерес к изучению полиэтнических зон, репертуар которых определяется историей заселения регионов, этническим составом населения, природно-климатическими условиями, типом хозяйственной деятельности.

Мы предлагаем вниманию читателей альманаха тезисы трех выступлений, вызвавших наиболее оживленные дискуссии среди участников конференции.

Т. Б. ДИАНОВА
(Москва)

ПОЛЕВОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
В ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ:
МЕТОДЫ И ФОРМЫ

Несмотря на то что полевую фольклористику трудно назвать новой дисциплиной в комплексе наук о фольклоре, приходится констатировать, что ее методологическое оформление только начинается. Применительно к деятельности кафедры устного народного творчества филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова следует отметить, что полевое направление всегда занимало оправданно значимое место в ее работе и что именно методы фиксации фольклорных текстов и формы их камеральной обработки, собирательские технологии и формы архивации данных, мониторинг и параметры оценки современного состояния традиции были предметом повышенного внимания большинства ученых кафедры¹. Одним из важных выводов последних

¹ Большой вклад в становление полевой фольклористики в свое время внесли братья Соколовы, Э. В. Померанцева, П. Г. Богатырев, Ф. М. Селиванов, Н. И. Савушкина, А. В. Кулагина и другие сотрудники кафедры. Осознавая, что в силу развития гуманитарного знания в целом фольклористика не может оставаться прежней, и ставя перед собой задачу осмысления проблемного поля нашей науки в условиях меняющейся этнофольклорной ситуации, нами был организован методологический семинар «Наука о фольклоре: объект и метод» (он работал при кафедре в 1998—2001 гг.), к работе которого были привлечены не только фольклористы, этнографы и этномузыкологи, но и философы, историки, антропологи, культурологи.

лет стала констатация ныне уже очевидного факта: в составе нашей науки имеется определенная диспропорция, вызванная тем, что в ходе собирания фольклора мы имеем дело с традицией в целом, а в ходе его изучения описываем, систематизируем и анализируем лишь ее незначительную часть, методы работы над которой укладываются в рамки традиционной филологической науки. При этом возникает феномен «раздвоения объекта»: в поле мы работаем с носителями традиции и ее современным состоянием, с «живым», функционирующим объектом, а в теоретической работе — преимущественно с художественной структурой традиционных текстов, в то время как контекст и личность самих носителей фольклора (система их оценок, интерпретаций, рефлексия по отношению к текстам) как объекты практически не входят в круг наших интересов.

При этом в полевой фольклористике собственно экспериментальная часть во многом формируется стихийно как в части отбора контингента исполнителей, так и в обоснованности самих форм, к которым относятся по большей части формы интервьюирования (в меньшей степени анкетирования, включенного наблюдения, заданных параметров моделирования естественных ситуаций исполнительства и проч.).

Полевой эксперимент прежде всего должен основываться на специфике той ситуации, в которой происходит фиксация фольклорных данных. При этом отбор и верификация материала определяется его аутентичным статусом, т. е. стремлением исследователя получить достоверные, минимально зависящие от воли экспериментатора сведения. Рассматривая характер наиболее типичных форм фиксации фольклора в естественном бытовании, можно гово-

В дальнейшем его работу продолжил семинар «Полевая фольклористика: объект и метод» под руководством А. А. Ивановой, результатом деятельности которого стали четыре выпуска сборника «Актуальные проблемы полевой фольклористики».

речь о нескольких уровнях, на которых осуществляется получение аутентичных данных. К ним относятся:

1. фиксация аутентичных форм фольклора в их естественном бытовании;
2. воспроизведение фольклорных текстов и ритуалов по памяти в ситуации устного интервью;
3. имитация фольклорных форм (текстов, ритуалов) по заданию исследователя.

В каждой из вышеперечисленных ситуаций мы можем получить материал, верификация которого с точки зрения достоверности не подвергается сомнению, однако характер полученного материала и возможности его использования будут отличаться. В первом случае мы получим максимально «свободный» от рефлексии исполнителя, его оценок и его жизненного опыта комплексный текст, сопровождаемый контекстными данными. Во втором, напротив, степень рефлексии исполнителя будет максимальной, при этом он, как правило, обращается не только к собственному опыту, но и излагает сведения, полученные им из разных источников (от старших, ровесников, из письменных источников). В третьем случае происходит не только припоминание обстоятельств исполнения того или иного фольклорного текста, но и воссоздаются элементы его контекста (исполнитель показывает, как совершаются те или иные действия, какие предметы и обстоятельства существенны для их воспроизведения). Полевой эксперимент в каждом из вышеперечисленных случаев зависит от того, что является предметом наблюдения: фольклорный текст в совокупности его контекстных связей, формы фольклорной памяти или моделирование естественных ситуаций бытования.

Запись фольклора в естественном бытовании предполагает максимально точное и объективное наблюдение над текстом в контексте и фиксацию его составляющих. Преимущество можно отдать видеофиксации, причем в случае обрядового фольклора она должна

производиться из нескольких заранее установленных точек, с тем чтобы в поле зрения оператора попадали не только действия и тексты от лица основных действующих лиц, но и реакция и комментарии зрителей. Здесь будет оправданным составление специальных сценарных планов для каждого из микроритуалов обряда. Для потаенных форм обряда (заговоров, колыбельных песен) предпочтительно избрать скрытые формы фиксации/ видеосъемки при безусловном соблюдении собирательской этики. Во время записи песенных форм фольклора камера должна фиксировать естественные последовательности песенных текстов и их «кластерные» формы, характер переходов от одной темы к другой, закономерности смены эмоционального тона во время гуляний. В качестве эксперимента можно предложить также многофокусную видеосъемку (например, общие планы и тактику «слежения» за наиболее активными участниками хора). Полевой эксперимент в данном случае носит делящийся и повторный (многократные, с определенным интервалом, записи) характер. При записи живых актов коммуникации между исполнителями в ситуациях обмена воспоминаниями, передачи жизненного, духовного опыта можно зафиксировать значительное количество текстов народной прозы (преданий, легенд, мифологических рассказов), проверить их вариативный потенциал для данного сообщества, обнаружить элементы их естественного контекста. Важно учитывать, насколько беседа спровоцирована собирателем, велика ли его роль в «направлении» диалога / полилога по заданному руслу, и если велика, то собственно естественная беседа может перетекать в интервью или форму имитации бытовой ситуации. «Исследовательская провокация» как полевой прием наиболее адекватна тем ситуациям, в которых фольклорист присутствует скрыто, анонимно либо уравниен в правах с остальными участниками (в частности на интернет-форумах и в чатах).

Если фольклорист работает в ситуации воспроизведения по памяти, то полевой эксперимент включает разработку вопросников и исследовательских программ, репертуарных списков, системы ключевых слов, нередко использует сюжетные и тематические указатели, привлекает автобиографические методики. Эти экспериментальные методы не только позволяют извлечь текст из памяти носителя фольклора, но и многое проясняют в самих механизмах ее работы. К формам полевого эксперимента на этом уровне можно отнести также анкетирование, ассоциативный эксперимент, заданный комментарий, а также использование подсобных приемов, стимулирующих память (фотоальбомов с последующим их комментарием, письменных свидетельств и документов, предметов материального быта и т. п.).

Ситуация имитации естественного контекста зачастую бывает просто незаменима, когда в живой традиции наблюдение исследуемых форм фольклора либо невозможно, либо затруднительно. Просьба «показать, как это было» зачастую бывает недостаточной для включения механизмов памяти, собиратель сам должен воссоздать элементы утраченного контекста: окружить сказочника адекватной сказке аудиторией (например, детской), предложить для записи колыбельных песен запеленать и покачать «ребенка», соединить руки исполнителей для демонстрации игровой песни, дать в руки предмет (в частности, для заговоров), настоять на показе того, как, каким пальцем, в каком месте, например, крестит бородавки, чтобы их вывести, и проч. Цель исследователя — вывести информанта на воспроизведение малейших деталей и подробностей контекста, который является «спусковым механизмом» для дальнейшего появления текста. Моделирование естественного контекста также предполагает предварительную работу по его изучению и потенциальному использованию в ходе записи, составление перечней действий и предметов, актуальных для записи фольклора в условиях имитации.